

Под гулом времени набатном

о заграничной лирике Ивана Переверзина

Душа поэта, обременённая должностными обязанностями, как птица в клетке: смотрит она тоскливо на широкий земной простор, поднимает глаза в бездонное небо — и так хочется ей взмахнуть вольнолюбивыми крыльями, чтобы, взмыв в солнечное поднебесье, ощутить желанную свободу и для зоркого взгляда, и для лёгкого крыла. Но клетка есть клетка, и только редкая возможность выпадает распахнуть ненавистную дверцу и, почувствовав обрётённую свободу, дать дыхание строке, что терпеливо ждёт своего часа.

Так и произошло с Иваном Переверзиным. Освободившись на время от должностных обязанностей, поэт получил необходимую для творчества свободу и в те же дни оказался за пределами Отечества — чувство тоски по Родине нахлынуло на чувство свободы, и две эти духовные силы вместе создали такой эмоциональный фон, что душа сама выплеснула из себя огонь негаснущих строк:

Не лучше, не хуже я жить не могу,
себе, как сполуху горящему верю.
Цветут незабудки на травном лугу,
и есть чем питаться голодному зверю.

Я жалостен так, что и смерть воробья
считаю навеки печальной утратой.
Но вслед за отцами идут сыновья —
идут и идут, чтобы гибнуть в солдатах.

И нету Отечества, чей бы закят
так не был душе упоительно сладок.
Вдали громыхают грома невопад,
а мнится, что мины взрываются рядом.

О грусть, о тревога, о муки, о боль! —
от вас никогда не бежал безоглядно.
И точно без слёз устаю пред судьбой,
хотя она бьёт через меру нещадно.

И к слову приду, но безвестен умру, —
от века нерадостна участь пророка...
Но дел моих сад отцветёт на ветру,
как будто за пазухой жаркою Бога.

Какая раскованность амфибрахия! Какая звукопись восхитительных строк, о которых поэт позднее скажет, что стихи вдали от Родины сами его находят и прорастают из почвы души, как росток на удобренном поле.

Нельзя не обратить внимания на фразу «дел моих сад» — подобные неожиданные метафоры встречаются во многих стихах Ивана Переверзина. Эти простые слова — дела и сад — поставленные в лексическую зависимость друг от друга, обретают полифонию смысла, а вместе с концовкой строки «отцветёт на ветру» становятся поэтическим открытием автора, для которого слово — такой же податливый материал, как для скульптора глина.

Поэт мастерски владеет словом, настолько, что читатель, даже не видя имя автора, безошибочно определит, что это стихи Ивана Переверзина. Думаю, большего счастья для поэта невозможно и представить.

Чем же так благостно удобрена душа автора?

Да тут и спрашивать не надо — тоской по Родине, ибо, как говорил Пушкин, «и дым Отечества нам сладок и приятен». Но приятнее всего он тогда, когда этот благотворный дым хранит неугасимая память поэта.

А ещё удивительнее, что благотворной была для поэта и клетка должностных обязанностей, ибо не будь её, не познал бы истинную цену полной свободы, которая там, вдали от Родины, как любимая женщина, ведёт его на вершину скалы, где распахивается бесконечная даль, как распахнутость амфибрахия в его стихотворении.

И эта солнечная даль отбрасывает в сторону зыбкую накипь времён, кою вытесняет всемогущий набатный гул времени, и

поднятые им стихи и в самом деле летят уже сами и над этой чужой вершиной, и над чужим простором, посылая свой стремительный свет к солнечному простору Родины.

Идёт, идёт верной стопой амфибрахия неукротимая строка поэта, а когда сам стих, кажется, стал уже задыхаться и его звуки начали осыпаться, как камни, с богатых рифм, на смену ему приходит неутомимый ямб, для которого любая вершина — нипочём, ибо он сам — высота. И он никогда не задохнётся, этот неутомимый путник, поскольку, как известно литературоведческой науке, у каждого поэта — свой ямб со своей анафорой, синекдохой, аллитерацией, цезурой — со всеми образными средствами, как например, в этом превосходном стихотворении:

Как упоённо, страстно, чисто
поёт синица, свищет дрозд.
Ну, словно в небе шибко мгlistом
вдруг запыхала россыпь звёзд.

Концерт задаром на природе, —
ай да судьба, ай да любовь!
И в первый раз за свето-годы
я счастлив без заветных слов.

Градация первой строки со сквозной аллитерацией «с» и «з», цезуры в каждой строке восьмистишия, уникальное сравнение пения птиц с пылающей россыпью звёзд, которое словно соединяет земное и небесное — все эти образные средства распределены так точно и тонко, что читатель не замечает мастерства, и это убедительно говорит о подлинном мастере поэтического слова.

Подобные строки приходят только в те мгновения, кои поэт приравнивает к свето-годам, когда природа, а вместе с нею и сама душа, поёт синицей и свищет дроздом. И этот свет-единение на поднебесной высоте скалы становится таким всеобъемлющим, что и сама скала, и этот чужой простор, оживлённый птичьим пением, делается родным, а сам поэт уже чувствует себя сыном и поэтом всей планеты Земля.

И уже кажется ему, что скала, как морской корабль, плывёт, рассекая волны разорванной синевы небес, туда, где за далёким горизонтом лежит дорогая Россия. И россыпи звёзд стекают по борту корабля-скалы, и всё вокруг уплывает к далёкому российскому берегу, — но сказка сия в миг прозрения становится тяжкой, и избавить поэта от этой нереальности может только поэтическая строка, неведомо где задержавшаяся на сей раз и необходимая, как глоток свежего воздуха.

Плывёт-плывёт корабль-скалы, и уже окончательно кажется поэту, что ждать ему помощи от наваждения не приходится, но в этот миг пришли, наконец, такие долгожданные строки:

Утомонись без лишнего роптанья.
Сначала дело сделай, а потом
показывай всю, аж до рыданья,
что не родился крутлым дураком.

И вот тогда тебя поймут, быть может,
и если всё же грешен, то простят.
Во все столетья нет творца моложе
своих свершений, хоть он им не рад.

Такие удивительные строки могут прийти к поэту только тогда, когда он находится на вершине скалы, сам превращается уже в духовную скалу вечности, о чём ведаёт его строка, высвобожденная из клетки души, как совсем недавно сам поэт сбежал из клетки должностных обязанностей.

Значит, и обретший полную свободу автор ещё находится в зависимости от всего, что его окружает, и, прежде всего, от той строки, что, как до этого представлялось, приходит к нему сама. Приходит-то она приходит, но и у неё есть свои капризы, посему и приходится доказывать «аж до рыданья», что покоя никогда не будет — и это непреложный закон творчества.

Преодоление самого себя — необходимое условие для расширения тематики стихов. И как распахиваются во все стороны дали с вершины скалы, так раздвигается и тематический горизонт стихов Ивана Переверзина, чего не могло бы произойти, ежели бы он не оказался за пределами Отечества и не нашёл эту самую скалу, ставшую его духовной опорой, с которой, как росы с луговых трав, стекают осыпаясь строки, коих до того его поэзия не знала.

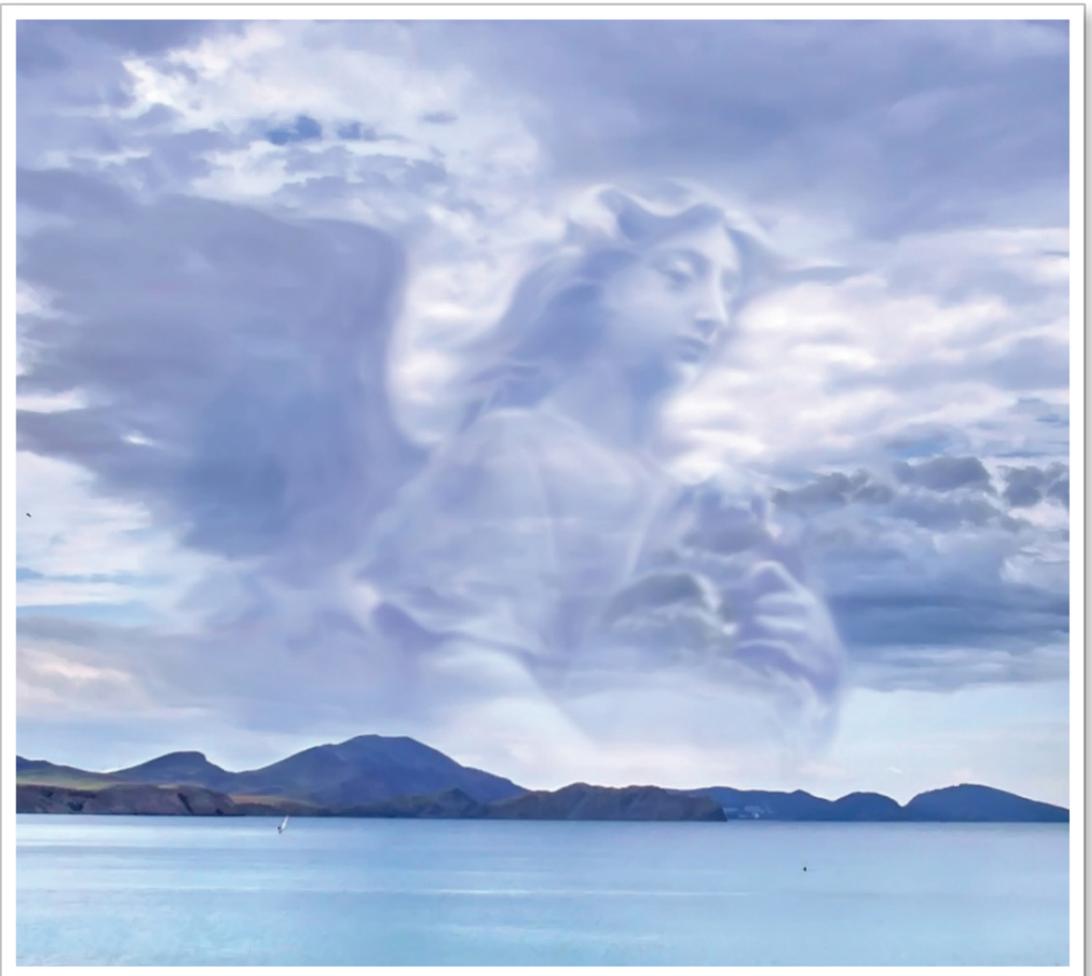
Впервые, исполняясь грустью,
без слёз я вспомнил о тебе.
Ну, словно к золотому устью
пришёл наперекор судьбе.

Навек дотла сгорело светом
всё, от чего с ума сходил?
Вопрос оставлю без ответа,
чтобы на смерть хватило сил.

Не сразу поймёшь и оценишь верно суть этих великих строк, ведь иногда сила подтекста, в них сокрытая, настолько сильна, так искусно утаена от поверхностного взгляда, привыкшего скользить по строке, как лодка по волнам, парус которой наполнен мощным попутным ветром.

Понятно, что силы на смерть нужны в том случае, если скрыта сумасшедшее чувство любви. Любовь — это безмерная радость и такая же бесконечная боль, и над её светлым чувством всегда висит возможный меч бесчувствия-охлаждения, который страшнее самой смерти, ведь смерть — явление мгновенное, а этот меч может висеть и дни, и месяцы, и годы...

Если полноводная река любви течёт к устью, которое стало золотым, то направляется вопрос: а каков же исток этой реки? Полагаю, ответ найти нетрудно: он — в двух сердцах, которые, как два духовных сообщающихся сосуда, несут свои потоки в общую реку любви, потому и не

И даже любовная лирика Ивана Переверзина здесь, на вершине скалы, обретает новое звучание. И хотя любимая находится рядом, это уже истинное чудо великого чувства, ибо поэту удастся создать в душе такую преграду-одиночество, точно любимая осталась без него на Родине, и он в непроходимой тоске пишет всё новые и новые стихи. И эта любовная лирика настолько прочувствована, что читаешь и веришь, будто написаны стихи в разлуке с любимой. Такое чувство перевоплощения присуще только избранным художникам поэтического слова:

убывает она, а в своём течении углубляет-расширяет себя самоё и совершает это, как признаётся поэт, наперекор судьбе.

Но река сия имеет и другую особенность: она может поднимать свою волну к той духовной скале, на вершине которой вместе с поэтом находится его любимая женщина, которая — тоже наперекор судьбе! — даёт второе дыхание его зарубежной лирике, о чём говорят наплывающие из его души всё новые и новые стихи. В них нет повторения — они полны оттенков чувства, как радуга, цвета которой с вершины этой скалы так чётко перетекают